

Луи Альтюссер
ПИСЬМО МЕРАБУ МАМАРДАШВИЛИ¹

[16 января 1978]

Мой дорогой Мераб, в сегодняшней почте — твое письмо и восхитительное монисто. Очень тронут. Был и твой звонок, и новости о тебе, переданные разными знакомыми, в том числе и Анни², которую я видел один раз после очень долгого перерыва (она продолжает носиться, но по иным землям), они говорят, что у тебя все «хорошо». Я не вполне доверяю тому, что исходит от третьих лиц, но я тебя достаточно хорошо знаю и поэтому допускаю, что все это может быть правдой, хотя все признаки говорят о другом и твои друзья, насколько я себе представляю, уезжают. На этот раз узнаю о тебе из первых рук. Разумеется, мне хотелось бы видеть и слышать тебя, но, имев возможность наблюдать это *una volta*³ мельком⁴, я уже достаточно хорошо

¹ «Lettre à Merab du 16 janvier 1978» in «Ecrits philosophiques et politiques — Tome 1» de Louis Althusser; © 1994, Editions stock/IMEC».

Спустя примерно год после смерти Мераба Мамардашвили несколько писем Луи Альтюссера были переданы мною в архив Альтюссера во Франции через Анни Эпельбуэн. Письмо от 16 января 1978 года было опубликовано во Франции в 1994 году издательством Editions stock/IMEC в книге «Althusser. Ecrits philosophiques et politiques» (Т. 1). В июне 2006 года оно было опубликовано на английском языке издательством «Verso Books» в сборнике работ Луи Альтюссера «Louis Althusser. Philosophy of the Encounter: Later Writings, 1978–1987». — *Примеч. ред.*

² Анни Эпельбуэн. — *Примеч. ред.*

³ Однажды. — *Примеч. пер.*

⁴ Очевидно, имеется в виду приезд Альтюссера в Москву в 1974 году на конгресс по Гегелю и то, что он мог наблюдать в тогдашнем окружении М. К. В том же году М. К. был уволен из редакции журнала «Вопросы философии». В своей автобиографической книге «L'avenir dure longtemps» Альтюссер пишет: «Приблизительно в 1974 году я ездил в Москву на международную конференцию, посвященную философии Гегеля. Я выступил с докладом в просторном зале приемов во время последнего за-

себе представляю, что там должно происходить вокруг тебя. Ты знаешь, что, как когда-то «слоны заразны»¹, сегодня все передается, занавесы² ничему не препятствуют, меняются лишь формы — они же могут иметь большое значение, поскольку либо пропускают, либо безжалостно блокируют. Я не раз размышлял над твоими словами «Я остаюсь, поскольку именно здесь можно видеть обнаженную суть вещей». Долг интеллекта, за который приходится дорого заплатить. Не остаться — значит тоже дорого заплатить, судя по тем, кто уехал и кого я видел. Довольно дорого, но в другом смысле. И мало кто из них может выдержать повсеместное давление со стороны сил, которые стремятся выставить их как «детей волков», от которых ожидают рассказов о нравах лесных жителей. Возможно, ты слышал о «конференции», организованной «*Il Manifesto*»³ в Венеции и посвященной

седания, но больше ничего не посещал. Я говорил о молодом Марксе и о глубинных причинах его эволюции. На мое выступление (о котором „Правда“ рапортовала заранее) не было реакции со стороны официальных лиц, но несколько студентов остались в зале и задали мне вопросы: „Что такое пролетариат? Что такое классовая борьба?“ Они явно не понимали, о чем я говорил. Я был удивлен, но без труда понял причины. Я понял, потому что за те восемь дней, что я не посещал конгресс, мой дорогой друг Мераб, необыкновенно умный грузинский философ, никогда не стремившийся уехать из СССР, как это сделал его друг Зиновьев („здесь по крайней мере видишь вещи такими, как они есть, без прикрас“), познакомил меня с более чем сотней советских людей разного положения, и они рассказали мне о своей стране, о действительных материальных, политических и интеллектуальных условиях, в которых они жили. Я понял очень многие вещи, и сложившиеся тогда представления впоследствии подтвердились всеми серьезными работами об СССР, которые я читал» (цитируется по изданию «The Future Lasts Forever», The New Press, New York, 1998). — *Примеч. ред.*

¹ В статье о социально-политических проблемах Мексики авторство этого выражения приписывается известному французскому художнику первой половины XX века Марселю Дюшану. Там же говорится о не менее известном продолжении этой цитаты, придуманном Хулио Кортасаром: «Революции тоже заразны». «Marcos aime citer Marcel Duchamp — „les elephants sont contagieux“ — en s'empressant d'ajouter (suivant Julio Cortazar) que les revolutions sont contagieuses elles aussi». <http://www.europe-solidaire.org/spip.php?article2290>. — *Примеч. ред.*

² Отсылка к железному занавесу. — *Примеч. пер.*

³ Итальянская коммунистическая газета. Была основана как ежемесячное обозрение в 1969 году группой журналистов из левого крыла итальянских коммунистов, которые выступали с критикой тогдашнего левого движения. В 1970 году газета стала ежедневной. Несмотря на то что газета выступала с критикой Итальянской коммунистической партии (PCI), она была весьма популярна среди сторонников партии, которые считали ее более деятельной и независимой по сравнению с партийной газетой «L'Unita». — *Примеч. ред.*

так называемой «постреволюционной» ситуации¹. Ну и придумали же термин! Я поехал туда, чтобы «подискутировать», но все свелось к выступлениям, начатым эмигрантами, продолженным профсоюзными деятелями и политиками, в какой-то момент мне тоже пришлось выступить, раз уж я там находился и это было известно (неприятности, связанные с «известностью», — ты знаешь это словечко Гейне об одном из своих врагов: «X, известный своей известностью»), — так что я лишь произнес нечто вроде проповеди, которую присоединяю к этому письму. Ее можно было бы цинично назвать «мораль истории² или моральный дух истории»³. Суди сам: какова мораль, таков и моральный дух⁴. Разумеется, есть «эффекты» стечения обстоятельств и моды (для тех, кто их использует), но известно, что стечение обстоятельств, как и журавли, улетает, даже если летит⁵ низко (в отличие от журавлей)⁶, но дело не только в этом, а в том, что пришло время платить по *счету*. Не важно, кто это сделает, в крайнем случае — никто, но настанет день, когда незамечаемые маленькие счета представят длинным списком, и, как правило, платить придется не тем, кто тратил, а несчастным типам вроде нас с тобой (и многим другим, еще более потерянными). Поскольку всякий счет есть либо ошибка, либо подделка, необходим пересчет, но сначала его надо принять к оплате: и все это в ситуации беспрецедентного политического и теоретического дерьма (если не хуже) особого свойства — не вляпаться в него невозможно. В любом случае приходится платить и за себя (что самой собой разумеется), и за других, да еще каких Других!

¹ На конгрессе в Венеции, посвященном теме «Власть и оппозиция в постреволюционных обществах» и организованном газетой «Il Manifesto», Альтюссер выступил с докладом, озаглавленным «Наконец-то кризис марксизма!». — *Примеч. ред.*

² *Фр.* «la morale de l'histoire» в смысле нравоведения, например мораль басни. — *Примеч. пер.*

³ *Фр.* «le moral de l'histoire» — настроение, моральный дух. — *Примеч. пер.*

⁴ *Фр.* «tu jugeras du moral à la morale». — *Примеч. пер.*

⁵ *Фр.* «ça passe, même quand ça vole bas». — *Примеч. пер.*

⁶ *Фр.* «c'est aussi comme les cigognes, ça passe, même quand ça vole bas (à la différence des cigognes)». Ссылка на французский перевод названия советского фильма «Летят журавли» — «Quand passent les cigognes». — *Примеч. пер.*

Это небольшое из того, что я пытался высказать между строк в том импровизированном «маскарадном»¹ выступлении в Венеции, не скажу, чтобы хорошо аргументированном, но я пытался перегордить плотиной воды². Это плотины, о которых говорит Макиавелли, но у него под рукой были полноводные реки, а у нас — кто может сказать, реки это или что-то еще? Мне кажется, что подобного мы никогда не знали. Какие-то перемены ситуации — это да: не в первый раз накопление мелких изменений в один прекрасный день меняет решительно все вокруг, подступает незаметно, долго запрягает, а потом вдруг раз — и мы уже дышим совсем другим воздухом. Но на этот раз, даже если реальности предостаточно и она повторяет себя, то, чего нам не хватает, это прежде всего ориентиров. Другое впечатление: так долго сражаться на фронте, чтобы потом обнаружить, что его больше нет, а вместо него повсюду, и прежде всего за твоей спиной, идут сражения (или то, что их заменяет). Следовало бы быть Кутузовым и уметь спать верхом на лошади в мороз во время грандиозного отступления. Но лошадей больше нет (по крайней мере, у нас, а без лошади как спать верхом?).

Ограниченность или безумие, которые неотступно преследуют сознание, можно увидеть не в нем самом, а только с определенной дистанции. Я вижу ясно как днем, что все, что я делал вот уже пятнадцать лет, было созданием мелкотравчатого, очень французского *оправдания* в рамках доброкачественного, но малозначительного рационализма, подпитываемого некоторыми авторитетами (Кавайе, Башляр, Кангийем, а за ними — традиция Спинозы—Гегеля), претензии марксизма (исторического материализма) представлять себя наукой. Все это в конечном счете было (поскольку с тех пор я немного изменился) гарантией и залогом, как в старой доброй традиции всякого философского начинания. Я также вижу, что вещи, будучи такими, какими они были, и эти претензии, равно как и контрпретензии, будучи такими, какими они были, и я, будучи таким, каким я был, не могли быть иными, и моя реплика была так же естественна, как грозы и грады Спинозы³. Я верил этому лишь наполовину, как любой «здравый» ум, но

¹ *Фр.* «masquée». Вариант перевода «intervention „masquée“» — «выступление „в маске“». Намек на венецианские маски. — *Примеч. пер.*

² Еще один намек на Венецию. — *Примеч. пер.*

³ Спиноза говорит, что страсти человеческие так же управляются законами, как природные явления. — *Примеч. пер.*

эта половина недоверия была необходима другой половине, чтобы продолжать писать. Эти строительные леса помогли людям влезть на крышу дома, но одному Богу известно, что они сделают и с крышей, и с домом! И с видом на пейзаж, который им откроется сверху! Все-таки все немного сложнее (чем можно было бы думать), и, кроме того, у меня появилась уверенность в другом: тексты связаны определенной логикой, которую — стоит лишь тебе признать в принципе ее необходимость, будучи хоть сколько-нибудь философом, — не так-то легко «исправить». Исправляйте, исправляйте, от нее все равно что-то останется¹. Тюрьма личности остается, даже если эта личность, имевшая неосторожность приоткрыть себя в тексте, решила объявить о том, что она изменилась. Я сошлюсь на знаменитое правило: никогда не пишите ваших трудов в молодости! Никогда не пишите вашей первой книги! В этой аванюре не все было напрасно, не все было ничтожно, ведь логика игры утверждений не является логикой самих этих утверждений. Но вопрос в том, как лучше «распорядиться» этим предполагаемым или заранее известным прошлым в той ситуации, которую мы сейчас переживаем. Единственный ответ, который я сейчас нахожу, — это молчание. И, несмотря на все различия, я понимаю твое молчание, у которого совершенно иные причины. Так же как я понимаю соблазн и возможность ухода в «метафизические глубины», который помогает бороться с одиночеством. Молчание может быть окончательным, почему бы и нет? Или же попятным движением, чтобы изредка все-таки публиковать какие-то мелочи о Макиавелли, Грамши, им подобных, или же какие-то дерзости о философии (давнишняя идея, которую, ты помнишь, я вынашиваю, но которую должен, с учетом предыдущего опыта, основательно доработать во время наших прогулок по лугам), или же об эпикурейской традиции, — кто знает? Это мелочь для времени, когда требуется быть вооруженным конкретными познаниями, чтобы говорить о таких вещах, как государство, экономический кризис, организации, «социалистические» страны и тому подобное. Этих познаний у меня нет, и мне было бы необходимо, как Марксу в 1852 году, «вновь начать все сначала»,

¹ *Фр.* «Rectifie, rectifie, il en restera toujours quelque chose...» — аллюзия на известную фразу Вольтера «Calomnez, calomnez, il en restera toujours quelque chose» — «Клеветайте, клеветайте, ведь клевета, даже если для этого нет никакого основания, все равно оставляет свой след». — *Примеч. пер.*

но слишком поздно, учитывая возраст, усталость, утомление и одиночество.

Разумеется, можно вернуться к «Капиталу» теперь, когда более или менее видно, что не работает в его логике, ведь это же касается не Идеи предприятия, а лишь аргументов в ее пользу: но здесь опять-таки с точки зрения логики недостаточно разобрать механизм, его следовало бы «вновь собрать»¹, что предполагает другие составные части, а также нечто иное, чем та скромная философская культура, которой я располагаю².

Ты говоришь об «отвращении»: я слышу это слово вокруг меня, от лучших. Между тем здесь — все не так, как у тебя, хотя слово то же самое. Это слово, которое громко заявляет о том, что никто не находит себе места во всем этом дерьме, что бесполезно искать, ибо все места смыты бессмысленным ходом вещей. Теперь нельзя войти в реку вообще³. Если только не стать торчащим в потоке колом, который молча держится. За кусочек тверди. Все зависит от того, чтобы найти под водой этот кусочек тверди. В конце концов, это то, что Монтень называл «качанием мира», а уж он этих качаний в силу обстоятельств перевидал немало и самого разного рода. Но книга уже сделана, надо найти что-то другое.

Если ты сможешь мне писать, то я арендатор твоих «метафизических глубин»: из любопытства и чтобы знать, как ты это делаешь, и угадывать через ответы, которые ты ищешь, вопросы, которые тебя мучат.

¹ *Фр.* «il ne suffirait pas de demonter, mais il faudrait „remonter“ le mecanisme» — игра слов «демонтировать-ремонттировать». — *Примеч. пер.*

² В предисловии к нью-йоркскому изданию книги Альтюссера «L'avenir dure longtemps» Дуглас Джонсон, английский историк, близко знавший Альтюссера, пишет: «Читателю автобиографии не стоит забывать, что Альтюссер был normalien (выпускником Ecole normale superieure). Частью культуры normalien являются розыгрыши (canular). Имеющийся в прежней, более краткой, редакции автобиографии рассказ о том, как к Альтюссеру подошел генерал де Голль и попросил прикурить, является типичным canular. Так же не стоит принимать вполне всерьез его утверждение о том, что он как философ — мошенник. Normalien презирает человека, который все время работает (на принятом в Ecole normale жаргоне такой человек называется chiateur — «зубрила»), и среди normalien принято хвастаться, что ты блестяще сдал экзамены, не приложив к тому никаких усилий. Заявление о том, что ты стал признанным знатоком Маркса, не прочтя всего собрания сочинений, тоже вполне в духе этой традиции». — *Примеч. ред.*

³ А не только дважды (как у Гераклита). — *Примеч. пер.*

Я провел очень трудное лето, но теперь обрел определенное равновесие. Могу что-то читать понемногу и способен ждать. Мировые проблемы переплетаются с личными фантазмами самым невероятным и безжалостным способом. Мне довелось это пережить. Но я также пережил и первую развязку событий. И это дало мне немного смелости и своего рода «просвещенное» спокойствие. В мировом борделе ничего от этого не изменится, но в том, что касается одержимости души... это начало, скажем, все-таки обнадеживающее. Так что — лучше изменить порядок мыслей, чем порядок мира¹. Извини за эту долгую исповедь, дорогой Мераб. Здесь я все держу в себе, с тобой — это другое дело.

Обнимаю тебя и думаю о тебе.

Луи

Перевод Виктории Лысенко

¹ Парафраз высказывания Декарта: «Лучше изменить свои желания, чем порядок мира». — *Примеч. пер.*